

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕГО

д. Вяликая Крушиновка

07.07.2021 г.

Допрос начат в __12_ часов 57 минут
окончен в _14_ часов _18_ минут
приостановлен 13 часов 52 минуты
возобновлено 14 часов 11 минут

Заместитель прокурора Рогачевского района советник юстиции Чугунов В.Е., с соблюдением требований ст.ст. 193, 194, 215 – 221 Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь (далее - УПК), в помещении дома по адресу: д.Вяликая Крушиновка, ул. Школьная, 1/2, по уголовному делу № 21028030022 по факту совершения нацистскими преступниками, их соучастниками, преступными формированиями в ходе Великой Отечественной Войны и в послевоенный период на территории БССР и других государств геноцида, с участием – без участия допросил в качестве потерпевшего:

- 1.Фамилия, имя, отчество: Судникова Ольга Кузминична
- 2.Дата рождения: 10.07.1936 года
- 3.Место рождения: д.Волоки Рогачевского района
4. Гражданство (подданство): РБ
- 5.Образование: 4 класса
- 6.Семейное положение, состав семьи: вдова,
- 7.Место работы, род занятий и должность: Пенсионерка
- 8.Отношение к воинской обязанности: вопрос не задавался
- 9.Место жительства и регистрации (прописки): д. Вяликая Крушиновка, ул.Школьная, 1/2
- 10.Документ, удостоверяющий личность: личность удостоверена
- 11.Судимость: Не судима
- 12.В каких отношениях состоит с обвиняемым (подозреваемым), потерпевшим:

Вопрос не задавался

В соответствии с требованиями ст. 195 УПК Республики Беларусь потерпевшему разъяснены его права и обязанности, предусмотренные ст.ст.21, 50, 193, 194, 219 УПК Республики Беларусь, а также ответственность.

Потерпевший имеет право: 1) знать сущность обвинения; 2) давать показания; 3) представлять доказательства; 4) заявлять отводы и ходатайства, в том числе о принятии мер по обеспечению его безопасности, членов семьи, близких родственников и иных лиц, которых он обоснованно считает близкими, а также имущества; 5) пользоваться родным языком или услугами переводчика; 6) возражать против действий органа уголовного преследования и требовать внесения его возражений в протокол следственного или другого процессуального действия, проводимого с его участием; 7) участвовать при рассмотрении судом жалоб на задержание, заключение под стражу, домашний арест подозреваемого или обвиняемого и обжаловать решение суда; 8) знакомиться с протоколами следственных и других процессуальных действий, в которых он участвовал, и делать замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколах; при участии в следственном или другом

процессуальном действии, а также в судебном заседании требовать внесения в протокол указанного действия или судебного заседания записей об обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены; знакомиться с протоколом судебного заседания и приносить на него замечания; 9) с момента получения уведомления об окончании предварительного расследования знакомиться с уголовным делом и выписывать из него сведения в любом объёме, а также с разрешения следователя, копировать интересующие его материалы уголовного дела, за исключением названных в [части 8 статьи 193 УПК Республики Беларусь](#); 10) участвовать в судебном заседании суда первой инстанции, в том числе в исследовании доказательств уголовного дела, а также в заседаниях судов апелляционной, надзорной инстанций и при производстве по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам; 11) выступать при отсутствии у него представителя в судебных прениях с речью и репликой; 12) высказывать в судебном заседании мнения по поводу ходатайств и предложений других участников уголовного процесса, а также по вопросам, разрешаемым судом; 13) возражать против действий другой стороны либо председательствующего; 14) получать от органа, ведущего уголовный процесс, уведомления о принятии решений, затрагивающих его права и интересы, а по его просьбе также бесплатно получать копии этих решений, в том числе о прекращении производства по уголовному делу, о привлечении в качестве обвиняемого, о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд, о назначении судебного разбирательства, об отказе в возбуждении уголовного дела либо прекращении уголовного преследования, а также копию приговора, определения (постановления) суда апелляционной или надзорной инстанции или другого итогового решения суда; 15) подавать жалобы на действия и решения органа, ведущего уголовный процесс, в том числе обжаловать приговор или другое итоговое решение суда; 16) отзывать поданную им или его представителем жалобу; 17) примиряться с обвиняемым по делам частного обвинения; 18) подавать возражения на протесты государственного обвинителя, прокурора и жалобы других участников уголовного процесса, доведённые до его сведения органом, ведущим уголовный процесс, или ставшие известными ему в результате иных обстоятельств; 19) получать возмещение расходов, понесённых при производстве по уголовному делу, и вреда, причинённого действиями органа, ведущего уголовный процесс; 20) получать обратно имущество, изъятое у него органом, ведущим уголовный процесс, в качестве вещественных доказательств или по другим основаниям; принадлежащие ему подлинники официальных документов; принадлежащее ему имущество, изъятое у лица, совершившего предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; 21) иметь представителя и прекращать полномочия представителя; 22) давать объяснения о причинах отказа в подписании протоколов процессуальных действий; 23) перед применением в ходе следственного действия технических средств быть уведомленным об этом; 24) до начала следственного действия быть уведомленным о применении звуко- и видеозаписи, а также ходатайствовать о применении звуко- и видеозаписи при проведении следственного действия. Потерпевший обязан: 1) являться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; 2) давать показания по требованию органа, ведущего уголовный процесс, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 1 части третьей статьи 60 УПК Республики Беларусь (не свидетельствовать против себя самого, членов своей семьи и близких родственников); 3) представлять имеющиеся у него предметы, документы, а также образцы для сравнительного исследования по требованию органа, ведущего уголовный процесс; 4) подвергаться освидетельствованию по требованию органа, ведущего уголовный процесс, в случае совершения в отношении его тяжкого или особо тяжкого преступления; 5) подвергаться по требованию органа, ведущего уголовный процесс, амбулаторной экспертизе для проверки способности правильно воспринимать и давать показания об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, если есть веские основания сомневаться в наличии у него такой способности, а также для установления его возраста; 6) подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс; 7) не разглашать сведения об обстоятельствах, ставших известными ему по уголовному делу, если он был предупреждён об этом органом уголовного преследования или судом.

Содержание статьи 27 Конституции Республики Беларусь о том, что никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников мне разъяснена и понятна, показания давать согласна.

(подпись)

Потерпевший предупрежден об уголовной ответственности за отказ либо уклонение от дачи показаний (за исключением показаний в отношении самого себя и близких родственников) или за дачу заведомо ложных показаний по статьям 401 и 402 УК, а также за разглашение данных предварительного расследования, ставших известными ему по делу, по статье 407 УК.

(подпись)

Перед началом допроса потерпевший заявил, что разъясненные ему права, обязанности ответственность понятны, показания желает давать на __русском__ языке, в услугах переводчика _не_ нуждается.

_____
(подпись)

Переводчику _____,
проживающему по адресу: _____,
разъяснены права и обязанности, предусмотренные ст.63 УПК Республики Беларусь. Одновременно он предупрежден об уголовной ответственности по ст.ст. 401 и 402 Уголовного кодекса Республики Беларусь за заведомо неправильный перевод, отказ либо уклонение без уважительных причин от исполнения возложенных на него обязанностей, а также об уголовной ответственности в соответствии со ст.407 Уголовного кодекса Республики Беларусь за разглашение данных предварительного расследования или закрытого судебного заседания без разрешения органа, ведущего уголовный процесс.

До начала допроса в соответствии со ст.219 УПК потерпевший уведомлен о применении звуко-видеозаписи с использованием цифровой видеокамеры мобильного телефона Самсунг Гэлакси М31s с микро СД флешкартой объемом 32 ГБ, звуко-видеозапись ведется в помещении – доме, при смешанном освещении.

_____
(подпись)

Вопрос: Вы являетесь бывшей узницей, расскажите, о тех обстоятельствах, что вы помните, как вы были угнаны, откуда вас угоняли, что в лагере происходило, что помните, те обстоятельства о войне?

Ответ: Скачалю, як начиналася война. Было мне 5 лет. Мамка моя собралася ехать у город, чтоб купить нам што. И там з ей ще де женщины соседки, а мы асталися дома. И побегли, васильки за огородом жито колхозное посеено, и там васильки. Дык мы пабегли васильки рвать, а мамка з города приехала, и сястра моя большая, ей было 11 гадоу, и яна кажа – пабегла вон у васильки с подругами. Яна вышла, а божачка мой, немцы ж, гавора, по городу ходять. Мы приехали, а тады ж не было телефонов, ничога не знали, яны приехали – немцы у городе. Яна гавора – немцы по городу ходять, што яны думают. А мы етые васильки рвом, и тут самолеты налятели и стали бамбить па житу. Яна плача, махае руками, я прыбегла, яна мне шчэ по попе трохи отжарила, што я пошла. Ну все успакоилися. Тераз два дни являються немцы на конях, пара коней, и к нам

у двор, адчынили двор, загоняють коней у сарай, повыпусквали наш скот, яки у мамы быу и сами расположилися.

Вопрос: Это именно немцы были или полицаи?

Ответ: Немцы были.

Вопрос: Форма немецкая была?

Ответ: Форма, и по-немецки говорили. А мы малые и у нас папа наш быу хороший плотник, ну столер, дык ен тамака у яго стол быу на дварэ ад дома так, к сараю. И паветка накрытая. Яны туда расположилися, за стол за той поусядали. А уже пакуль к нам приехали, ян уже по деревне набили курэй, поросят, и уже приехали готовить. А мы постали так во, уз бачок и глядим. Один выняу шоколадку мне дае. А мама мне прыказала, не йдите, не бярыте ничога. Ен дае, мы утякать, у хату пабегли. Яны у хату не заходили, там сядели. Там уже готовили, ели, там уже, што яны делали. Мама за нас, забрала и панесла у лес, паехали с деревни усе люди. Пасти усе люди у лес поехали. У нас жа лес близка, там. Там, переночевали, пабыли, ну што, яны ж ничога не делали. Мама гавора – а хату кинули, шчэ ж спалять. Узяли, собралися, приехали дамоу. Не, мама пашла. Нас кинула, пошла дамоу. Прыходя, яны печь затопили, комин не открыли, полымя у хату. Ды, мама палезла, комин адкрыла, и прибегла, нас забрала и домоу. Яны два дни пабыли у нас и уехали. З дярэуни уехали усе.

Вопрос: А много немцев приезжало?

Ответ: Ну, их было наверно чалавек пять, у нас, а па дярэуни яны ж багата у каго были.

Вопрос: То есть еще другие были?

Ответ: Да. И с конями. Но по нямецки они говорили. Потом, поехали ад нас. Приезжать, они мало приезжали у дярэуню. А у нас жа ужо паявились партизаны тут, дык ночью. А папа, там бой ийшоу, ад Озеран, и да Заполья, передавая. Дык, брат мой, ен семь классов кончил - Иван, собирал там оружие, ходил як уже кончился той бой и носил. Папа им делау ложи у ружий, де што и партизанам передавали. Партизаны к нам, усягда ночью заезжали. Объясняли, што где происходя. И вот прожили мы так, до 43 год. 43 год, 13 октября, приехали партизаны утром, ще тольки начинало развиднять. Постукали, мама поднялась, папа болел як раз, на печи лежал. Мама подышла, яны гаворать – бярыте дятей, идите у лес, буде карательный отряд наступать. Мама – Кузьма, ты знаешь их, сказали и поехали. Казали – бярыте дятей и скот повыпускуйте из двора, прыеде карательный отряд. Ен – а, можа, ета выдумка, можа ета неправда. Не прайшло мо поу часа, и явилися етые немцы. По домам и сразу папу з печи и зняли, голага, а быу замаразак. Уже, холодна, папу узяли голага и пагнали. А мене, у нас сястрычка была, года шчэ не было ей, ей у декабре

год и яна маленькая была, и брат три гады. А мне 7 гадоу, уже было, як палили нашу деревню. И яны, мама панесла, схاپила яму надеть и шапку, и на ноги, и кухайку. Туды на шлях погнали их, яна пашла и яе не пустили дамоу, етые дети маленькие, ета сестра мая большая, што 11-ть гадоу ей, узяла ету малую на руки, и братика етага, ни надела ни свитачак, годенькие пайшли, босые. Вышли, иней на дварэ. По етаму инею, да тых де их на шляху, на перекрестку, уже мужчин адабрали у ету сторону у дом, а маладейших у ету. Брат попал у ету – Иван, а папа у ету.

Вопрос: Забрали папу и драта?

Ответ: Да. Брата туды загнали, а папу у етый. И ляжау, Маргуноу, яго сын у Довску живе, нагу уже адбили, без наги, на лавочке ля дома. А мужчин етых у хату пазаганяли, уже зачынили у хате. И тутака мы пришли, голенькие. Мама прося – паночак ну пусти, хай девочка етая большая бяжить, хоть на ножки што нибудь, яны ж голенькие усе прыйшли. Ен так пазирау, пазирау на нас тады галаву спустиу, и не пустиу. И тады поговорили только, и уже горит деревня, адтуль, ад леса. Гарыть уже, и у наш уже дом, уже вынесли, у мамы был платок таки красны красивы, яны той платок на вулицы ужо разаслали, махають, платком тым. Горыть уся деревня ужо, в подряд. А нас забрали, подышли машины, адкрытые борты задние, и ляжать лопаты на, у машинах, и нас женщин и етых, усех и дятей погнали на подсобнае. Подсобная у нас была, километра поутара, мо два, это саухоз быу. Нас туды погнали, только выгнали туды за деревню, а там начали стрелять ад леса или партизаны, или у каго мо, де якое аружие было. Яны нас кинули и вярнулися у дярэуню, а женщины етые усе, якие з детьми были – детачки, паузима. А там было, между Фалевичами и Валок болота, кусты, тяпер луг там разработаны, а тады было, кусты такие, густые кусты – паузима, а не идима, а паузима. Дык, мама з етыми детками, а мы уже паузли, можа с пол километра до тых кустоу. Похавались, Фалевичи горят, крик. Наша деревня горить, Мортков горить, за Фалевичами. Дым еты, полымя видно, и мы тамака сядели, мо часов до шести, мо до пяти. Не еуши ничогинька, ета ж утрочком повыгоняли. А тады потихла, потихла усе, у дерэунях дым, уже полымы облягло, дым. Мы собралися, усе люди етые, повыходили, дятей побрали, и пошли на погорелища. Пришли, усе сгорело, бульба ж была скопана, уже у ямках папеклася, як гарела. Мама етый бульбы навыгартвала, печанай нас покормила. Ну, што будам делать, надеть ничаво няма. Адна хата, де мужчин заганяли, папа там абтушиу тую хату, тая хата абтушанная асталася. Немцы пабили, каго паранили и ушли, а ен, за грубкай, ище Виктор Судников з им был, мужчина. Дык, ен кажа – Виктор, пашли абтушим еты. Иде один немец назад у хату, пашли мы з им справимся у дваих. И увайшли, ен у сенцы, выстрелил, папу так

во зубы павыбивау, а Виктор побоялся выходить за грубкой остался. Ен увайшоу у хату, Виктора тога убиу, а папа, як ен выстрелиу, ен думау, што яго убиу, ен упау лицом, так и ляжау, кроу ета, ен и пашоу. Потоптался и пашоу, пашоу соломой запалиу еты дом, сноп, и пашоу на вулицу. А папа выскочил, поднялся, выскочил, и той сном, ен выйшау из двора, дык ен абтушиу той сноп. Ды и у стопку, а ен заметиу, што ен пабег у стопку, и прибег, як стау яму гранаты туды кидать, дык 18-ть ран, ноги усе ссек. Усе яму. Ен у бульбу лег, а ен кидау туды, но хата ета асталася целая, не спаленная. Дык, кали вярнулися етые, хозяины етага дома, дык, адежа у их асталася, дык яны нам дали, постилки такие тканые, дык, мама мне во так обшила, свитачки ж ниякай няма, холод, руки тутака як плацце, а тут абшила, етай постилкай, и адну постилку на платки порезали, платочки позавязывали з етай постилки. И пайшли у лес. Усе, хто пайшоу у лес, хто пайшоу на Канаплицы. А мы не пашли на Канаплицы, малые дети, мама у лес, лес ближе. А каторые пашли на подсобнае. У лясу мы были две нядели. Папу раненого брат, живы остался, кали дом запаливали, били их молодых етых хлопцау, дык, яны у трох у ямку подлезли, и подкапали под стяну, и вылезли у паутякали. Дык, аднаго Василя убили, забылася як та яго фамилия была, а яны у дваих асталися. Ен тольки, яго паранили, у мякать, у нагу, у ляшку. Ну яны пабегли у канец деревни, туды пауз гароды на лес. Осталися живые. Ну, папу тады ен вярнууся, коня узяу, наш конь, ен жа быу, выпусти у ранни. Дык, ен калесы сгорели, наверх узяу и павез к партизанам яго. Привез к партизанам, яго там перевязали, ен там переночевал, и назад приехал сюды у лес. У лесе сделали бункер таки, соломы ен, брат насобирал. Папу поклали, и ен тамака ляжау, а мы, переночуем, а тады мама. А грибоу было, боровикой у лясу, мама кажа – идите мае детки, идите, Волька и Станя идите збирайте боровики. Мы боровикой назбираем, принясом, яна навара, молока – корова ж тожа асталася, подоя. Вот поядим, побыли трохи, тады холодной стала, пошли на подсобнае. У падсобнае, у Вали Шумилихи засялилися, там было пять сямей уже. Из пагорелога, з нашей деревни, и мы тамака засялилися. Побыли трохи, стали полицаи приезжать частей и немцы. Мама гавора – знаете што, багата у Лейчичы пайшли у Тихиничи, а у нас жа родственницы, гавора, у Тихиничах, давайте мы пойдём у Тихиничи. Дык, коня я не знаю каму отдали, а корову зарезали, то што ести нада, нечага было, дык, зарезали, подяли тамака, и з соседями з тыми. Ну у Тихинцы пришли, к Бондикавай Вользе, ля кладбища яна жила, ета родственница была. Мы тамака жили у яе, немцы стали наступать на подсобнае, и вядуть пленных русских – 28 солдат. Ранены у ноги, солдаты у дваих етага раненого, а тога голова закрученная, яны пить етые раненные, пить. Танька етая, моя большая сестра, прибегла, на вулицы была. Волька давай

воды набяром, занясом им. Набрали у бутылку воды, понесли им дать. А яны трохи провяли, там калодиш остановилися. Яны тамака с автоматами, а их етых солдат гнали. Туда на Широку вулицу, по мястечко. Мы постояли, бачымка што яны воды там пьют, мы вярнулися дамоу. Тераз несколько дней, тераз 2, или тераз 3 нагнали машины, и як сразу, як ад Фалевичей, етые Лейчичи начитаются – Тихинци, усих людей, у машины, давай грузить, погрузили до конца, дык не заязжали у центр саухоза як быу, центр Новоселки, туда не заязжали, а по прямой вулицы до конца поля - Слапищи, и етые Лейчичи, Мястечко и сюда на Широку вулицу, на Виричив, тоже не заязжали. Нас несколько машин больших, нагрузили и везли, до конца довели и потом повезли на станцию Солтановка.

Вопрос: Это где, такая станция?

Ответ: Где, тая станция, дота за Жлобинам. На станцию Солтановка посадили у поезд, усих людей, и повезли. Ночь везли, ще было видна, можа часов пять было, такая пора была, ночь возили. Бомбили самолеты, повидема, поезд як затарахтит, стане, тады опять еде, и под утро, только стало развиднять, на ту самую станцию нас привезли. Привезли, подышли машины, нас посялили, повезли у Хомутовку, дяревня ля Павлович.

Вопрос: Это где, это какой район?

Ответ: Бобруйскага наверно района Хомутовка, Павловичи – деревня Бабруйского района Могилевской области. Мы поселили, и мы там 10 дней были, переписывали, ходили. Переписывали, тады приехали опять машины, забрали нас, брата схавала хозяйка тая. Васта яе звали, мужика свайго и яго у сена закапала, а нас посялили, ета сестра тая, маленькая, брат три гады, я и сястра 11 гадоу, и мама. Нас погрузили у машины и павезли у Озаричи. У Озаричи повезли. Привезли, загнали у Озаричи. На той стороне, вот як магазин, бугорок, а тутака болото, вода, слякоть со снегом.

Вопрос: А это какой месяц, когда уже было, помните?

Ответ: Это наверно было, у концы марта, слякоть.

Вопрос: В марте где-то было, да?

Ответ: Да. Уже там люди мертвые ляжали, и живые, уже были там люди, як нас привезли. И ета болото, так во, Озаричи туды ж далее, а болото так во находилася, а тутака дрыгва ета, а там бугорок, там немцы, во як магазин, доты ихняя, што нас охраняли. Яны нас за проволоку за тую зачынили, проволокой калючей акутано, и ворота, з етой стороны ворота, як завозили. Заминировали кругом. И ништо не выходиу, охраняли немцы. Подходили, сястра ходила ще у лагеры тамака, по болоту по тому, а няма ни палачак ни яких, няма ни купинки каб сесть. Мама узяла хвоу, наломала галля, бусловачку такую сделала, нас пасадилла. А была у нас такая – платок, такая пиналка, дык яна ету

сястричку на руки, братик еты у яе на колено, и я, а Танька, уже большая сестра, ужо ходя палочки собирае, можа б як наклали тьяпла, ти што, не разрешають. Ну, тамка з Валок были ще люди, расклали тьяпло. Потом привезли, тераз други, тераз два дни, ти што, два хлопчики, ужо темна было, вечарам. Два хлопчики, а мы ля ворот тутака, мама кажа - мы далее не пойдём, мы будам ля ворот. Потому што дети малые, а ета дрыгва, ды усе, во тут будам находится. Етых хлопчикау привезли, утром устали – хлопчики не живые, памерзли, памерли. И на их матка, павидему, где гнали, мо якая та мо была и грамотная, у пальте, у сапогах, так одета хорошо, рашпыленнае ета пальто и так во ляжить не живая на их, на тых дитях. Мама – божанька мой. Ну, и так мы пробыли, я не знаю сколько мы были тамака. Наверна нядели две, наверна были. У мамы ноги папухли, мы у лаптиках, па слякоти по етай, мокренькие, усе. Яна и малую етую кормя, ести, тая Хомутовская баба дала сухаркоу, нам такую маленькую. Яна по одному сухарочку нам утром дасть, а сама жалее, як яна кормила тое малое и мы ести не хотели, так ужо наверно бог давал нам. Тады, прайшло несколько время, прышоу солдат. Пришоу до нас, тутака, где мы находились, подышел и гавора - вы знаете што, вас асвободили, вас сення, вы чули бой яки шел, вас освободили, только вы заминированы, за ночь разминируем дорожку, будьте до утра. А тамака мужчина, жонка и двое дятей, тожа с деревни поблизости, тожа там были, и мамин брат был с Фалевич, со своей семьей, ен з им подружился, и кажа – Федька пошли, сказау, што асвободили, пошли вон километры два, бульбы наварым, там усе. Мама упляла яго, давай целовать, просить – Федька не иди, не нада, ен жа сказау, што заминировано, нельзя. А той не послухау, выйшау и семья их, хлопчики и пабила, и яго, и жонку ля варот тутака зразу. А мы так яго не пустили дядьку с сямьей со сваей, и утром уже выходили. Наклали дошчок за ночь, па две доски так наклали, стежку и па той стежаццы, по одному человеку, два нельзя было, потому што только вузка, по адному человек, што б. А у меня чири, 40 чирь, по телу, насела, я не могла зварухнуцца. А яны мама з детьми иде, и дятей етых, а я услед, а люди идуть, да мяне хочуть абыйти, дык я як заплачу, як закричу, яны тады оставяць. Ато хочуть мене абыйти, и пайти. Ну, так мы йшли, выйшли на бугор. Идуть, русские танки, братика майго схاپили, тога трехгадоваго. Ой, яки солдатик охранял Беларусь, схاپили, целовали, яго на танку провезли трохи. Мама, божачка, куды яны яго павезли, а яны трошки правезли, пустили яго. Ета сястра пабегла, забрала яго. Ну, и ужо там мы пашли, ужо дарога стала лучшая. Нам гаворать – идите, так во наперакось. То, што так прямо на Озаричи далее, а сюды наперакось ближе выдете, там хоть рэчачка, но там е кладка. Мы пашли, столько наших солдат, было пабита, божанька мой миленький, страх поглядеть,

што нажатых снапоу. Солдаты собирають, на конях звозять их. Ну, пришли у Озаричах переночевали. Нейкае зданне, там мертвые солдаты лежали, раненные, наверно, папамерли. Мы там переночевали, и нам предложение дали, усем на Новоселки – 6 километров за Озаричами, Новоселки деревня. Усим на Новоселки ийти. Ну етые и пашли, мама и дети малые, куды, двое етых маленьких, и я, и етые чире у мяне. Яна, так як во ля магазина бяроза, нейки сарай соломой крыты, яна нарвала у канцы деревни соломы, с тога сарая под бярозу, паслала, кажа - переначуем, а заутра утрам, ужо ж вечар, кажа куды ж мы, мы ж не зайдам. Дык, переначуем тут, а утром пойдам. Ну, тольки мы туды, на ета пасялились, на тую саломку, бягуть солдаты. А што такое, почему на Новоселки не пашли, тут жа передовая, тут нельзя. Мама гавора – поглянте якие у меня дети, я не смогла пойти, я переночую, заутра утром як небудь будам добираться. Яны нас забрали, вот яны, спасибо спасли нас. Забрали, крайня хата ихная, ля тога где мы посялялись, а ихня там кухня была. Яны нас у дом той прывяли, там баба старая, у той бабы корова, хозяйство. Яны нам у котелочки ести налеели, покормили нас солдаты, соломы принесли, наслали нам па полу, и мы там у их дней 10 нас держали, не пускали. И нас яны подкормили трохи. Мы ужо слабенькие были саусим, а за 10 дней, мы уже стали, почувствовали трошки. И тады приехали, еты на конях солдат приехау, забрау нас и повез на Наваселки на тья, а там погрузили на поезд и завезли у Речицу. У Речицы посялили у дамы на карантин. Мы тамака жили месяц пашти, можа и месяц. Нам присылали, ну говорили, то Америка присылала - сахар, маргарин, казали уроде Америка помогала продуктами. Давали нам продукты, и паек варили. Дык ходила, мама не могла ходить, была шчэ из Крушиновки женщина, з нами и з детьми. Дык, тая женщина - Леса Капелькова ходила, получала наш паек, приносила. Мы там прожили, а тады нас забрали, погрузили у поезд и привезли у Жлобин. Са Жлобина отправили у Городец. У Городце, Сяминовка деревня, у Сяминовку усих людей етых пасялили па етай деревне. И мы жили у той Сяминовки. Уже б хто бы хотел ужо и дамоу, гаворать Рогачев не асвабодены, нельзя. Не разрешали солдаты, часто приходили, гаворать Рогачев ще не асвабодены. Днепр прайшли, а Друть ни прайшли, дык гаворать – ще пабудьте. Мы были, тады бой там больши начауся, нас отстранили далей, 6 километрау, у Замокрае деревню и у сарай нейки поселили. Мы там ще у том сарай мо две нядели, ти сколько жили. А тады, уже разрешили ийти дамоу. Уже сказали освободили. Мы пашли дамоу. Вышли на дорогу, на Старае Сяло кажа адтуль, нада ийти на Старае Сяло, туды у Станьков, ды, туду ужо прабираться тудой. А кали мы вышли и ехали солдаты, оружие везли, етые ящики снарядау. Нас узяли, бярозы накиданы на етые на машины,

нас узяли, нашу сямью, и привезли у етые Валоки, у нашу деревню. Привезли, а ужо у деревни, хатау няма, а тольки етые доты немецкие, уже некоторые люди ужо были дома, у дотах. Гаворать – Кузьма жиу, батька ваш. Гавора яго немцы забрали акопы капать раненага. А кали асвобождали, ен жиу, вярнулся, заняу бункер на Плясанавым хутары, гавора. Там недалеко между Фалевича и Валок той хутар, тожа спаленный. Кажа там бункер заняу. Ну, мы пашли. Пашли да тога бункера, идом, ен тяпла наклау, сядить. Я як багла яму та во вочы, ен руки. А ен у сим людям кажа, а Лена памера. А Лена погибла, дети малые саусим, яна пагибла, яна не верница. Ажно и мама, як гляну, як заплача. И тады, тераз два дни яго забрали у Гомель. Пленных немцев, ен строитель хороший, яго заставили што б немцау пленных заставлял строить Гомель. Гомсельмаш строили, вокзал строили, и тубдеспансер той, построили больницу. Там несколько. Ен там целый, пока война кончилась. Это 44 год был, кали мы, а у 45 война кончилась. Над етыми немцами, там три человеки з Валок, мужчин з им было. Ен застовлял, вот рамы там, двери все ета делать и як делать, показывау и яны делали. Тады приехау дамоу, а мы у бункере жили у етым. Мама зимой, тую ж зима пришла, это ж вясной мы пришли во сенешний день на Ивана с Озаричей з тых, пришли. И пожили до февраля месяца, мама заболела малярией, и с ума тронулась. А брата забрали, брат пошел у военкомат, добровольцем на фронт, яго не брали ен маленьки быу таки, ен гавора, я у разведачную пойду. Пайшоу на фронт, и дайшоу до Берлина, получил 9 наград. И пасля войны, ще с Берлина, ще отправили у Пскоу, до 52 года у армии быу, сверхсрочно остался. А папа як прышоу, болел и памер. То што зранены и до етага.

Вопрос: Скажите, вот вы сказали, что две недели были в этом лагере, а там, чем вы питались?

Ответ: Я вам скажу, ничым. Што сухаркоу, тая дала, из етых, што ля Павлович тая деревня, мы тыми сухарками, мама по адным.

Вопрос: А скажите там немцы вообще, какую-то еду давали, не давали?

Ответ: Прывозили хлеб, шибали хлеб, капусту сушоную, брали люди, а мама нам не дала. Мама сказала не нада, мо яно отравленное и точно было отравленное.

Вопрос: Скажите, вот вы сказали, что там очень много людей умирало?

Ответ: Ой, стольки ужо было, етых и деток малых, и больших, памерзших, и з нами с Тихинич человек во рядом лежал, памер, змерз не было чым укрываться.

Вопрос: А их убивали или они просто умирали от голода?

Ответ: Умирили, без яды, без воды. Ни воды, жужауку етую вытискивали, на тряпочку, ды и. Дык, ужо тяпельцы етые наклады соседи етые што з Валок были, дык мама возьмя ды баночку, поставе, погрее, ды и нам процеде, ды и дасть той водички.

Вопрос: Скажите, вот вы рассказывали сначала по поводу того как Волоки палили, в октябре месяце, там и другое деревни, Мортково, Фалевичи, а много тогда людей убили, спалили?

Ответ: Много.

Вопрос: А в вашей деревне?

Ответ: В нашей деревне 30 мужикоу убили.

Вопрос: А где их убили?

Ответ: Немцы.

Вопрос: Я имею в виду, как в дом загнали убили, или где-то так, когда по домам?

Ответ: Што в дом загнали, по домам не, што в дом загнали, а што на дворе которых, пабили.

Вопрос: То есть это в каждом дворе отдельно, то есть штоб там в одном месте, такого не было, да?

Ответ: Ета, два ж дамы, я ж кажу, тут была молодежь, дык трохи молодежь утекла, под пол утекли, ано и туман трохи быу, дык. А Яны етые, пабили.

Вопрос: Я просто хотел спросить, было ли такое место, где отдельно согнали, спалили, убили или просто по дворам, как шли, так и убивали?

Ответ: Не, яны ж согнали усих, усих людей согнали в одно место, отделили мужикоу, и молодежь отделили. А женщины, я ж вам казала, пошли.

Вопрос: Скажите, а эта деревня, в которой вы жили, как называлась, Волоки, а в той деревне Волоки есть какой-то памятник, место, где-то, што-то?

Ответ: похороненные два ряды, кладбища не было вообще. Дык, як пришли мы, из етага, вярнулися уже, етых людей похоронили, два ряды так во.

Вопрос: А где их похоронили?

Ответ: Там, у Волоках, там была кладовая, и ета, папали ли ж усе, а там такое, кустики, шлях на Фалевичи. Дык, у з шлях у зьеты. От Волок недалечка.

Вопрос: А там памятник какой-то есть, место какое-то?

Ответ: Там был, у деревни там были солдаты похороненные. Дык, делау там Стяпан Панфиленко, сам памятник яму, я помогала ще глину мясить. Дык, только там памятник. А людей наших так похоронили, люди сами позакапывали.

Вопрос: Всех вместе позакапывали?

Ответ: не, не, по одному.

Вопрос: как могилки по-поделали?

Ответ: да.

Вопрос: А там кладбище сейчас есть, на том месте?

Ответ: Кладбище.

Вопрос: На том месте получилось кладбище?

Ответ: На том месте получилось кладбище. Два ряда, тридцать человек. Там, фалевских трохи мужикоу, пригоняли и нашия. Дык, там тяпер кладбища, уже и мы жили, хто памирау, и папа мой там похоронены, и брат мой похороненный.

Вопрос: А там как-то отдельно указано, что могилки тех, кто во время войны или отдельно ничего такого нет?

Ответ: Не, не указано, но люди сами знали, где хто похоронены.

Вопрос: родственник, как родственники?

Ответ: Люди, да. А у каго не было родственников, закапывали усеравно знали человека, и закапывали. А у Фалевичах, сильней было. У Фалевичах у меня была, дед и з бабой, и тетя. Тетя бегла у Волоки, кали деревню палили, яна бегла, што у мамы дети маленькие, дык, думала памагти хоть. Дык яе убили между Фалевич и Волок, среди дороги немцы, голову всю рассекли, а деда, ноги и голову адсекли, а бабу спалили живьем. А тетя Надя, дядя Яков был танкистом на фронт пашоу, а у яе было четверо дятей. Дык тетю Надю не известно де дели, а три девочки, чатыри, к деду яны, як деревню палили к деду перабегли. Дык, дед их у падвал схаву, а немцы агледили, и там дети ще саседние, агледили дык пабили, адна тольки сястричка асталася. Это дваюродная мая сястричка, роднага дядьки. Яна у Минску жила, можа яна уже и памерла, не пиша и не приезжае. Яна за мене на год моложе. А тых пабили, три сястрички убили. Старшая, немец падышоу.

Вопрос: А это, где было прямо в доме?

Ответ: не, у деда у подвале.

Вопрос: А там памятник, што-то есть, куда их похоронили?

Ответ: там, пахаронена, адсюль едешь с Крушиновки, и дом еты во крайни дык за домам магилка стаить, там 17, ти 16 дятей похоронено.

Вопрос: А вы знаете хто там похоронены?

Ответ: Ну маих етых три сястрички?

Вопрос: А как их зовут, фамилию может помните как?

Ответ: Агатины их фамилия.

Вопрос: Как еще раз фамилия?

Ответ: Агатины, одну Нина звать, адну Танька, и Мария по-мойму.

Вопрос: А остальных знаете, кто еще там, сколько там человек вообще?

Ответ: Ну, тамака багата их я не подходила туды, николи. Мама ходила, як жива была, и сястра ходила на могилку, Тяня, у меня сестра старшая, дык, яна ходила. А тетю Надю не нашли где. Дядя на фронте безвести погиб. Вся семья.

Вопрос: А они там, где крест, могилка стоит, там и похоронены, просто мне говорили, что там перезахоранивали их потом?

Ответ: Я не знаю, можа перезахоронили в могилку с подвала. Мо не в подвале ж.

Вопрос: Просто говорили, что с этого места кого-то перезахоранивали в Тихиничи в какую-то могилу общую?

Ответ: Тамака як из Тихинич едешь, по ету сторону, тожа магилы похоронены етые, як деревню палили.

Вопрос: Это не знаете сильно?

Ответ: Ну.

Вопрос: Что-то еще можете рассказать, помните?

Ответ: Все вам рассказала подробно.

Вопрос: Больше ничего не помните?

Ответ: Ну про Озаричи вам рассказать.

Вопрос: а что про Озаричи?

Ответ: Як, нас, мы сразу як вярнулися, як деревню спалили.

Вопрос: Вы ж мне рассказали про Озаричи?

Ответ: ну я вам говорила. А тады на подсобнае, у Лейчичы забрали. Як возили, я вам рассказала.

Вопрос: Что-то другое, еще можете рассказать, помните, что-то еще?

Ответ: нет, ничего такого. Битых, як побитые лежали, помню, что лежали пабитые.

Вопрос: Будем просматривать видео, что записали?

Ответ: Покажите.

Время 13:52. Видео звукозапись приостанавливается для ее просмотра.

Звуко видеозапись возобновляется после ее частичного просмотра в 14:11.

Вопрос: Вы просмотрели частично, все верно, так рассказывали?

Ответ: (Кивает - да).

Вопрос: Что-то еще помните о тех событиях?

Ответ: Ну, што можно сказать.

Вопрос: Если, что-то помните, если нет, так нет, дополнить, что-то есть?

Ответ: Ну, сыскали мы с Пскова брата, были, як папа памер.

Вопрос: Я имею ввиду в годы войны, это ж вы после войны брата нашли, как я понимаю?

Ответ: ну.

Вопрос: А военное, что-то во время войны еще помните, дополнить можете, про те?

Ответ: Ничога, только 11 гадоу мне было, мама наняла овец, у 47 папа памер вясной, а братик со мной пастиу еты – 8 гадоу, авец, а тамака танки, ад Волонк и до падсобной да той, парваные русские танки, и были аж як на Тихинцы дорога, ад Канаплицкай и на Тихинцы. Дык, мо тридцать, я даже не помню сколько их было. А нямецких только тут из леса только семь разбитых.

Вопрос: Это еще они даже в 47 году стояли?

Ответ: Ну, ще стояли, а тады их стали рвать на метал и звозить. А поле усе в руинах было. Женщины як пришли с Озарич, мы во на Ивана, сенышняга дня, и ходили з лопатами и закапывали етые руины, разрабатывали поле, де якое сеяли. Траншеи етые, только у бункерах мы.

Вопрос: Скажите, вот вы во время просмотра рассказывали про полицаев, что еще можете рассказать, какие были полицаи, и что с ними произошло?

Ответ: Ну што, як уже деревню спалили, яны ж, еты ж был у партизанах наш сосед, и той тихинский был у партизанах.

Вопрос: Это про которых говорили, что их посадили, по десять лет дали?

Ответ: А тады як асвободили уже, дык им по 10 гадоу дали.

Вопрос: А еще расскажите про того, что повесили, что это за полицаи был?

Ответ: Што полицаи етый у Рэчыцы быу. Ну, ета как нас с Озарич привезли у Рэчыцу на карантин, ен у том доме быу, де нас посялили.

Вопрос: Он отсюда сам, с Рогачевского района был?

Ответ: Из Заверья ен.

Вопрос: Из Озеран, да?

Ответ: Да.

Вопрос: А как его звали?

Ответ: Сейчас пойду фамилию яго погляжу. Колесников. Фамилия Колесников. Он с Озерья быу.

Вопрос: Вы говорили, что его в Речице допросили несколько раз, да?

Ответ: Ну, русские приходили, мне чири поглядели, у госпиталь хотели забрать, я стала плакать, яны на маму.

Вопрос: Вы рассказывали повесили его потом, вместе с другими какими-то, полицаев повесили?

Ответ: Ну.

Вопрос: а еще были какие-то полицаи?

Ответ: А кто их ведае. Русских я не знаю, это наши Валошные.

Вопрос: А с Волок были полицаи, ну сосед этот ваш, как его?

Ответ: Во говорила, уже забыла. Строков Василь.

Вопрос: Скажите, а были кроме немцев, какие-то с других стран, с Польши, с Латвии, Литвы?

Ответ: Нихто не знае. Не знаю, то што мы з ими не общались. А приезжали, по деревне во скот, курей, ячки.

Вопрос: А кто гнал, кто забирал, не знаете таких?

Ответ: Ну. На конях приезжали, пара коней и колесы, и собирали, на воз и увозили. А етые, як были тутака два дни, дык, тут готовили.

Вопрос: скажите, рассказывали добровольно, без принуждения?

Ответ: да.

На этом допрос прекращается, будет составлен письменный протокол, который будет представлен для ознакомления и подписания участникам. Время прекращения допроса 14:18.